

Мастерская

„ЖАР ОТНОШЕНИЯ“

«Если бы меня кто-нибудь спросил, какое искусство является самым трудным, я ответил бы — искусство актера. И если бы меня кто-нибудь спросил, какое искусство считается самым легким, я ответил бы так же — искусство актера...»

Александр ТАЙРОВ.

В каждом театре есть актеры хорошие и очень хорошие, но есть всегда такие, чьи имена на программах спектаклей обещают желанную встречу с человеком, чья творческая судьба не безразлична зрителю. К их числу принадлежит народный артист РСФСР Ножери Давидович Чонишвили, один из ведущих актеров Омского ордена Трудового Красного Знамени драматического театра.

В «Рабочих тетрадях» Григорий Козинцев определяет одухотворенность, как «способ... расплачивать жаром отношения ровное течение реальности». Когда встречаешься с Ножери Давидовичем не только в театре, а просто в жизни, на различных ее перекрестках, имеющих и не имеющих отношение к искусству, всегда ощущаешь этот «жар отношения».

Сегодня, когда за плечами актера, большая жизнь, путь воспоминаний — легкий путь, а когда он пролегал шаг за шагом, год за годом, разве думать, какой он, если именно этот — единственный...

Вопрос о начале актерской судьбы, так сказать, об ее истоках, напрашивается сам собой. Ответ на оригинальность не претендует: мечтой о театре он жил с детства.

Помнит ли он себя — того мальчика, который вместе с сестрой участвовал в спектаклях-сказках, свой первый театр в солнечном дворе старого дома в Тбилиси? Конечно.

Какой была та детская радость, если из десятка кружков Дворца пионеров Жора отдал предпочтение драматическому. «Устае юных тружеников искусства» требовал: учиться на «отлично», делать физзарядку, не падать духом, всю жизнь отдать театру...

Какие горизонты открывались перед одаренным мальчишкой! Взросление пришло мгновенно — июньским днем сорок первого года. Все так же в зенит устремлялось солнце, ярко зеленела листва, но затих привычный гомон на улицах — ни смеха, ни песен, ни веселых лиц, словно над мирной долиной распласталась крылья хищная птица...

Но и во время войны «музы не молчали». Враг рвался к Кавказу, а в молодежной театральной студии шли занятия, и Чонишвили пришел учиться актерскому делу. Когда пришел срок нести воинскую службу, его определили в солдатский эстрадный ансамбль, с которым он исколесил весь Кавказ вдоль и поперек...

Нелегко поверить, но тем не менее факт: на счету Ножери Давидовича 375 ролей. Три театра в его судьбе — три крутых ступени восхождения.

— В послевоенные годы Тбилисский ТЮЗ был Театром. Поверьте, я был счастливым человеком двенадцать лет, когда работал актером в прекрасном творческом коллективе, руководил которым удивительный человек — Николай Яковлевич Маршак. Это везение, если встречаешься в жизни, особенно в молодости, именно такой учитель. Здесь я сыграл более ста ролей — самых разных: героических, комедийных, фарсовых, водеvilных... Без Маршака ТЮЗ стал иным... От добра добра не ищут. Тульский драматический театр не стал родным. Играл много, но удовлетворения не было. И в момент душевных борений — приглашение в Омск... Как-то все слилось воедино. Хотелось работать — работал! Играл, пробовав, искал свою тему, своего героя. Имел счастливую возможность рисковать. Самая желанная роль в моей жизни — Сирано де Бержерак. Горький считал его одним из «немногих, но всегда глубоко несчастных людей, на долю которых выпадает высокая честь быть лучше и умнее своих современников». Высокая роль...

В 1969 году газета «Правда» писала: «В Омском драматическом есть большой актер, которому по плечу создание столь масштабного характера. Н. Чонишвили в заглавной роли покоряет силой страсти, открытой эмоциональностью, поэтичностью чувств».

Мортимер («Мария Стюарт»), Книш («Директор»), кинорежиссер Каменев («Традиционный сбор»), инженер Самохин («Хочу быть честным»), фотограф («Ночная повесть»), Гарри Смит («Русский вопрос»), Годунов («Смерть Иоанна Грозного»), Келлер («Так начиналась легенда»), Антоний («Антоний и Клеопатра»), Вытагаченко («Конармия»), служитель церкви («Беседы при ясной луне»), Свиригайлов («Преступ-

ление и наказание») — сколько разных, противоречивых, неожиданных характеров в портретной галерее Чонишвили! Он, конечно же, узнаваем, всегда похож на себя, хотя давно заявил о себе, как о мастере психологического перевоплощения.

— Успех... Слава ли? Просто смелость в выборе новых дорог, редкие мгновения гармонии в себе самом. Актер всегда строже зрителей и критики, сам — «свой высший суд». Нет ни одной роли, которая бы не коснулась сердца. Расхожая фраза, но это так... Много лет мечтал сыграть Гамлета. Сколько было перечитано, передумано! Мне показалось, что Гамлет немолод (я играл его в рыжем парике, в

очках), он открыл много тайн, но одну понял только сейчас: на свете есть не только любовь и красота — зло, предательство, уродство. Раздумья мучительны. Болен не ум, а сердце... О моей работе говорили: «Молодец!». А я знал, что это не так, что роль не стала той собственной вершиной, к которой столько времени шел. Сложный вопрос: удача — неудача... Честно признаться, играть Агабо в спектакле «Пока арба не перевернулась» я не хотел, хотя хорошая пьеса грузинского драматурга давала богатый материал для работы.

Блистательным исполнителем роли Агабо Богверадзе был прекрасный актер Серго Закариадзе, для него писалась роль старика. Болит душа у грузинского крестьянина за землю, за виноградную лозу, которая так же священна, как для русского человека хлеб.

Разве тревога Агабо, его желание, чтобы не погас огонь в родном очаге, — только грузинская проблема? Верный привычке во всем доходить до самой сути, Чонишвили играет вдохновенно, масштабно. Как это он умеет, и в то же время очень бережно и трепетно. И дело не в том, что роль играет грузин, волею актерской судьбы вдруг вернувшийся в дом своего детства. Чонишвили в этой работе вообрал все то лучшее, что уже приобрел в других ролях.

Автор пьесы Отар Иоселиани, увидев омский спектакль на фестивале национальной драматургии, сказал, что такого колоритного Агабо после Закариадзе он не встречал...

— «Действие происходит в наши дни» — в этих словах уже в чем-то заявка на повышенный зрительский интерес. Мне близки роли, в которых ярко выражена борьба за человека. Поэтому Рыбалко в спектакле «Добежать, отдышаться...» Чебакина, в пьесе, как принято говорить сегодня, произвольной, мне нравится. Он — государственный человек, его мечта — построить в центре тундры базу для отдыха животноводов — с концертным залом, бас-

сейном, оранжереей... Конфликт пьесы — нравственный, спектакль — публицистический. И не случайно мой герой не раз выходит к рампе — глаза в глаза со зрительным залом. И, если говорить о теме рабочего человека, то мне бы хотелось вспомнить еще одного доброго человека — Сартакова из спектакля «Сталевары» Бокарева.

К Ножери Давидовичу не применимо категоричное определение ампула, он с наслаждением окунается в любую стихию. Его герой в «Детях солнца» — мягкий, честный, мучающийся своей любовью к Лизе. Полковник Ростанев в «Селе Степанчикове» — наивный и добрый «прекрасный человек», сохранивший среди унижений и пошлости любовь к людям, сострадание. Бороться со злом со шпагой в руках им не дано, нет сил на решительные поступки, но и поступиться совестью они не могут и оттого, страдая, несут свой крест.

Классика — шар, у нее тысячи точек соприкосновения с современностью. Как правило, материал для актера трудный и благодарный, дающий возможность не спеша вживаться в образ, складывать его из мелочей, штрихов, черточек, словно дом из кирпичей.

В спектакле «Призраки» Эдуардо де Филиппо он исполнял роль Паскуале Лойоконо. Смешного, по-детски доверчивого. Свалилась удача, есть жилье, надо только развязать дурную славу дома, который посещают призраки. Маленький человек в буржуазном обществе, наивно мечтающий о справедливости. Что он имеет? Ни крова, ни гроша в кармане. Но душа жива, и он не позволит топтать ее — единственное свое богатство.

От кого он защищается? Может быть, от такого типа, как Кастель Бенак — ловкий делец из спектакля «Мсье Топаз», наживающийся на безработных. Роль в творчестве Чонишвили, наверное, одна из самых лучших. Актер как бы рассматривает сквозь увеличительное стекло это страшное насекомое, выставляя напоказ его пустую душу, высмеивая безжалостно.

— Основа роли — актер. Скажем, я. Мое сердце, мой интерес к людям, к жизни. Мне доверено выйти на сцену, как на трибуну, чтобы вести разговор о том, что сегодня волнует современного человека, в какой бы исторической эпохе, в какой стране не жил герой. Исток театра — это некое пространство, именуемое «духовным началом». Пока на земле живет человек, он всегда будет нуждаться в общении. Театр — место таких встреч... У меня нет ролей любимых, нелюбимых. Хотя, безусловно, ко всем одинакового отношения быть не может. Я знаю, например, что сегодня буду играть в «Царе Борисе». И весь день с утра до вечера, что бы ни делал, думаю о своем Борисе. Сосредоточен только на нем — продолжаю работу над этим сложным образом... Когда за плечами жизнь, 375 ролей, можно не спешить, выбирать. Можно жить надеждой о том, что, может быть, постыдится сыграть Клаузена в пьесе «Перед заходом солнца» или шекспировского короля Лира. Дело даже не в том, совпадут ли мои творческие замыслы с планами режиссера. Главное — как я сам готов к ним?.. И здесь слово актера — не последнее...

Если присмотреться к темпу, к насыщенности каждого дня Чонишвили, то создается впечатление не только полноты, но и переполненности жизнью. Уже несколько лет Ножери Давидович возглавляет работу Омского отделения Всесоюзного театрального общества. Смотря творчество молодежи, договоры о содружестве с промышленными предприятиями и хозяйствами области, вечера, встречи, праздники в Доме актера... День расписан до отказа, но в этом круге забот Чонишвили чувствует себя словно в хорошо обжитом спектакле.

Его интересуют люди разных профессий, жизнь во всей ее полноте и глубине. Такое непряздное любопытство, причастность к общественной, культурной жизни города очень важны для человека театра. Когда ты нужен людям, в душе всегда остается толика добра.

— Мы, советские актеры, по праву гордимся тем, какое значение придает народом, партией, правительством советскому искусству. Это прекрасная гордость... Она дает и силы, и крылья для вдохновенной работы...

В. ЛУГОВСКАЯ.
Фото Э. Савина.